

РАБОЧАЯ ИСТОРИЯ

ББК 63.3(2)53

В.Н. Фаронов

ХАРАКТЕР ДОХОДОВ РАБОЧИХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.

В условиях развивающегося капитализма начала XX в. доходы сибирских рабочих часто были составными: помимо заработной платы они могли включать в себя прибыль от промышленной и сельскохозяйственной деятельности, аренды жилых помещений и т.п. В статье рассматриваются источники формирования бюджета рабочих Западной Сибири, в том числе корреляции между уровнем квалификации рабочего и наличием у его семьи домов, земельных участков, покосов. Сравнение степени зависимости сибирских рабочих от сельского хозяйства, позволяет утверждать, что она была на одном уровне с общероссийским показателем, являясь, таким образом, еще одним аргументом, подтверждающим наличие в Западной Сибири развитого промышленного пролетариата.

Ключевые слова: рабочие, семья, Сибирь, XIX век, промыслы.

Постановка проблемы. В условиях невысокой заработной платы большинства сибирских рабочих, частых перерывов в работе, связанных как с сезонностью работ предприятий, их банкротством, так и с болезнями или увольнениями самих рабочих, огромную роль в пополнении семейного бюджета продолжали играть доходы от земли. Однако семья рабочего значительно отличалась от традиционной крестьянской семьи. Если у крестьян семья являлась производственной единицей, то у рабочих она уже, либо переставала быть таковой и жила за счет заработков от внедомашнего производства, либо существовала в режиме «двойной экономики», т.е. за счет заработка и довольно значительного домашнего хозяйства. Однако доходы рабочих часто не ограничивались только двумя отмеченными выше способами – имелись и другие, пусть и менее важные, источники.

Задачей исследования является определение роли дополнительных источников доходов в бюджете рабочих семей Западной Сибири, в первую очередь их зависимости от земли. Важность темы обусловлена необходимостью совокупной оценки степени пролетаризации сибирских рабочих и уровня их благосостояния.

Хронологически исследование охватывают период с конца XIX в. до 1917 г. Нижняя граница исследования обоснована тем, что с началом строительства Транссиба в 1890-х гг. в Сибири начинается процесс интенсивной модернизации, что соотносится с определенным В.П. Зиновьевым 5-м этапом модернизации Сибири, характеризуемым началом промышленного переворота во всех отраслях экономики [1. С. 190]. Верхняя граница исследования – Октябрьская революции 1917 г., положившая конец дальнейшему развитию капитализма в России. Однако для выявления характера связи рабочих с землей использовались материалы 1920-х гг., выходящие за хронологические

рамки исследования. На наш взгляд, допустимость такого подхода обоснована тем, что формирование и развитие рабочего класса в Сибири являлось целостным процессом и даже кардинальные социально-экономические изменения, ставшие следствием революции 1917 г., не могли в короткий период изменить материальной основы существования класса рабочих, по крайней мере, до конца 20-х гг. прошедшего столетия, когда, во-первых, государство круто изменило социально-экономическую политику, взяв курс на форсированную индустриализацию, и, во-вторых, старое поколение рабочих в значительной степени сменилось новым, выросшим уже в другом мире и воспитанным на других идеалах.

Изученность темы. Исследованием характера доходов рабочих Западной Сибири ученые-историки занимаются давно. Большой вклад в изучение этого вопроса внесли такие ведущие исследователи региона, как В.П. Зиновьев, В.А. Скубневский, Б.И. Земеров и др. Однако говорить о полной изученности данного вопроса пока рано, так как, на наш взгляд, еще в недостаточной мере исследованы характер и значимость дополнительных доходов в бюджете сибирского рабочего.

Источники и методы. Настоящее исследование основано на данных архивов Алтайского края, Новосибирской, Томской и Тобольской областей. Используемые источники относятся к категории делопроизводственных – это различного рода дела о назначении пособий, списки, анкеты, опросные листы различных предприятий и ведомств, на основе которых были составлены статистические данные о хозяйстве рабочих. Методологической основой работы стала теория модернизации, в рамках которой создана объяснительная модель процессов перехода от аграрного общества к индустриальному.

Результаты исследования. В рамках данной статьи мы рассмотрим связь рабочего с землей только в контексте дополнительных доходов. Для этого необходимо исследование личного хозяйства семьи рабочего Западной Сибири, которое мы начнем с общего обзора состояния дел. Так, рабочие Сузунского завода в 1909–1913 гг. в своей собственности имели жилые дома, строительство которых часто происходило при значительной материальной поддержке работодателя и которые оценивались у разных категорий работников от 30 до 450 руб., огороды от 5×10 до 14×24 саженой, покосы от 2 до 4 десятин, некоторые содержали 1–2 лошади и столько же коров, в ряде домохозяйств также имелись овцы (1–5 голов). Такая же в основном ситуация была и у рабочих Гурьевского завода, Риддерских и Сокольных рудников, Салаирских приисков и Кольчугинской копи [2]. Сходная ситуация наблюдалась и в городе, где многие рабочие имели иногда значительные приусадебные участки и содержали скот. Причем занятие горожан сельским хозяйством являлось традиционной чертой населения сибирских и российских городов. Овощи, которые выращивались на приусадебных участках, использовались по преимуществу для потребления семьи. Лишь при наличии излишков их продавали на рынке, что, впрочем, не было частым явлением.

Из скота в первую очередь старались содержать коров, что позволяло обеспечить молоком и молочными продуктами всю семью. Молоко продавали редко, предпочитая во время постов его накапливать для изготовления масла и творога. Для многих наиболее бедных семей владение коровой было

желанной и часто несбыточной мечтой. Некоторые содержали также и лошадей. Это объяснялось возможностью заработать извозом, заводскими работами, на которых нужна была конная тяга, и использованием для иных хозяйственных нужд, например для доставки фуража.

Важными проблемами для семейного хозяйства были выпас скота, заготовка фуража, его транспортировка и складирование. Наличие участков под покосы лишь частично решало проблему, зачастую сена не хватало и его приходилось покупать на рынке.

Чтобы показать всю важность домашнего хозяйства в экономике рабочей семьи сравним расходы рабочих монопольных складов Томской губернии. Так, в среднем расходы на питание были меньше у рабочих Бийска и Кузнецка, где они составляли 3,1 руб. на одного члена семьи, и больше у рабочих Новониколаевска и Барнаула, где они равнялись 5,5 руб. на члена семьи в Барнауле и 7,9 руб. на члена семьи в Новониколаевске. Различались и расходы на оплату жилья. Меньшими они были опять-таки в Бийске и Кузнецке – в среднем 0,8 руб. на члена семьи. В Новониколаевске и Барнауле этот показатель равнялся соответственно 2,3 и 9,3 руб. на члена семьи [3. С. 64–65]. Такое различие объясняется тем, что часть рабочих Бийска и Кузнецка жили в своих домах и имели подсобное хозяйство, следовательно, меньше тратили на покупку продуктов, в отличие от рабочих монопольных складов Барнаула и Новониколаевска.

Можно лишь весьма предположительно определить, какой процент составлял доход от хозяйства в семейном бюджете. Безусловно, основу бюджета рабочей семьи составляла зарплата рабочего – главы семьи, иногда также и других членов семьи (жены и детей). Но большое значение по-прежнему имело и сельское хозяйство. По данным В.А. Скубневского, в 1923 г. доход сибирских рабочих от сельского хозяйства составлял от 4,3 до 10% [4. С. 154].

Некоторые архивные материалы отчасти проливают свет на характер дохода рабочих от хозяйства (таблица). Отмеченные выше делопроизводственные источники состоят либо из множества отдельных дел, либо из списков рабочих, в которых содержатся сведения о семейном и имущественном положении. В таблице приводятся сведения, полученные объединением результатов анализа данных этих источников.

Домашние хозяйства рабочих семей

Показатели	Томск 1901 г.		Алтайский округ 1909– 1913 гг.		Кузнецкий уезд 1920 г.		Новониколаевск 1923 г.		Барнаул 1924 г.		Тобольск 1929 г.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Количество семей	27		128		25		61		310		145	
Имущество	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Дома	1	3,7	92	74,2	25	100	1	1,6	141	45,5	11	7,6
Коровы	–	–	84	65,6	25	100	2	3,3	163	52,6	8	5,5
Лошади	–	–	80	62,5	19	76	3	4,9	73	23,5	1	0,7
Птица, мелкий скот	–	–	9	7	24	96	–	–	50	16,2	–	–
Огороды	–	–	10	7,8	25	100	–	–	–	–	–	–
Покосы	–	–	19	14,8	–	–	2	3,3	–	–	–	–
Пасеки	–	–	2	1,6	–	–	–	–	–	–	–	–

Источники: [2, 5, 6, 7, 8, 9]

Так, по Анкетам принятия на казённый винный склад в г. Томске от 16 июня 1901 г. было исследовано 27 семей [5]. Лишь в одном случае отмечено владение собственностью (3,7%) – домом в Новониколаевске.

Согласно Дела о назначении пенсий и пособий рабочим Гурьевского и Сузунского заводов, Риддерских и Сокольных рудников, Салаирских приисков и Кольчугинской копи (1909–1913 гг.) исследовано 128 домохозяйств [2]. В результате было установлено следующее: 74,2% (92) семей имели свой дом; 65,6% (84) семей имели коров, из них у 29,8% (25) было более 2 коров (максимальное количество – 12); 62,5% (80) семей имели лошадей, из них 33,8% (27) имели более 2 лошадей (максимальное количество – 7); птицу и мелкий скот содержали 7% семей (9); 7,8% (10) владели огородами размером от 6×10 до 14×24 саженой; 14,8% (19) семей имели покосы размером от 1 до 4 десятин и в одном случае 12 десятин; 1,6% (2) содержали пасеки.

По Подворным карточкам всесоюзной переписи 1920 г. исследовано 25 домохозяйств рабочих Кузнецкого уезда, Кузнецкой волости, селения Завод Площадка [6]. Из них 100% (25) владели огородами; 100% (25) имели в своем хозяйстве корову, у 40% (10) из них было 2 и более коровы (максимальное количество – 5); 76% (19) имели лошадей, из них 21% (4) имели 2 и более лошади (максимальное количество – 7); в одном домохозяйстве (4%) содержались свиньи; 92% (23) имели в хозяйстве птицу.

По Опросным листам об оказании материальной помощи рабочим Новониколаевска за 1923 г. исследовано 61 домохозяйство [7]. Лишь у 3,3% (2) имелось по одной корове; у 4,9% (3) – по одной лошади; у 3,3% (2) – покосы в 2 и 10 десятин; отмечена одна семья (1,6%), владевшая своим домом.

По Спискам рабочих и служащих Пимокатной мастерской 1-го Барнаульского кредитного товарищества, водного транспорта, деревообделочников, типографии ОМХ Алтайгубисполкома, завода «Серп и молот», дрожжевинокуренного и пивоваренного заводов и кузнечно-экипажной мастерской на получение сенокосных участков 1924 г. исследовано 310 домохозяйств [8]. Свои дома имели 45,5% (141) семей, из них 0,6% (2) обладали двумя домами; 52,6% (163) семей имели коров, из них 4,8% (15) – 2 и более коровы; 23,5% (73) содержали лошадей, из них две семьи (0,6%) имели 2 и 4 лошади; 16,2% (50) семей содержали мелкий скот.

Согласно данным Анкет по чистке безработных за 1929 г. (Т. 1–4) в г. Тобольске было исследовано 145 семей рабочих [9]. Из них 11 (7,6%) – свои дома; 8 (5,5%) – коров; 1 (0,7%) – лошадь.

К сожалению, данные о хозяйстве рабочих семей Западной Сибири многочисленны и зачастую охватывают небольшое количество рабочих. Это, конечно, не позволяет делать какие-либо окончательные заключения, но все же мы можем и на основе имеющихся данных сделать некоторые выводы. Отметим и то, что в ряде случаев малочисленность исследуемого контингента рабочих не является серьезным недостатком. Так, исследование небольшого количества кандидатов на должность машинистов и помощников машинистов на казенный винный склад г. Томска в 1901 г. – 27 чел. – отражает ситуацию, характерную практически для всех рабочих данного типа: рабочие соответствующих специальностей были в подавляющем большинстве пришлыми и по этой причине преимущественно не имели собственного хозяйст-

ва. Несколько иная ситуация с материалом Анкеты по чистке безработных в г. Тобольске (1929 г.), однако эти материалы охватывают все категории рабочих, по каким-либо причинам оказавшихся не удел, таким образом, представляя возможность взглянуть на пролетариат Тобольска в «усредненном» виде. И наконец, самыми неполными можно признать данные по Новониколаевску 1923 г. Однако, на наш взгляд, в связи с малочисленностью источников по данному вопросу не следует пренебрегать любым имеющимся материалом, который хотя и в малой мере, но все же проливает свет на исследуемый вопрос.

Учитывая вышеотмеченное, мы можем перейти к анализу данных рассматриваемых источников.

Как видим, наибольшая связь с землей сохранялась у рабочих, живших в сельской местности: селение Завод Площадка Кузнецкого уезда. Здесь самый высокий показатель личного хозяйства. Наиболее близкие показатели у рабочих кабинетских предприятий Алтайского округа, что не удивительно, так как они жили в сельской местности. Однако и барнаульские рабочие различных предприятий города также, что видно из данных «Списков», обладали немалой собственностью, находясь по этому показателю близко к рабочим, жившим в сельской местности.

Диаметрально противоположные показатели характеризуют рабочих Новониколаевска за 1923 г., где отмечен лишь небольшой процент владельцев всех видов собственности. Еще ниже показатель у квалифицированных рабочих Томска за 1901 г., где лишь один кандидат на должность имел в собственности свой дом. Незначителен процент владеющих собственностью и среди рабочих Тобольска (1929 г.).

В трех последних случаях говорить о какой-либо существенной связи с землей не приходится. В остальных случаях эта связь относительно большая, как и у многих других категорий промышленных рабочих Сибири.

Конечно же, относительно высокая связь с землей была присуща не только рабочим Сибири. Согласно материалам переписи 1918 г. в целом по России 31,3% рабочих владели земельными участками; 20,9% вели хозяйство с помощью членов своей семьи. Большой удельный вес рабочих, владевших земельной собственностью, был среди рабочих горной (44,4%), пищевой (38,1%) и текстильной (до 41,1%) промышленности, т.е. тех отраслей, которые были наиболее развитыми и в Сибири. Наименьшей удельный вес рабочих, владевших земельной собственностью, был в машиностроительной (24,1%), полиграфической (17,5%) и некоторых других отраслях [10. С. 123]. Как можно видеть, среди высококвалифицированных рабочих Томска в 1901 г., у рабочих Новониколаевска в 1923 г. и Тобольска в 1929 г. удельный вес владельцев земельных участков находился на еще более низком уровне.

Среди иных источников дохода нужно отметить, прежде всего, различные промыслы, которые являлись важным для рабочих подспорьем. Так, например, «стекольный завод Ляпунова в Томском уезде работал только месяца два в году. Рабочие помимо заводских работ плели сети, занимались рыболовством. При этом штат рабочих был постоянным. Иногда рабочие вообще летом уходили с предприятий. Например, барнаульские пимокаты и шубники летом в деревнях катали пимы на заказ и занимались строительством» [11. С.

61]. Рабочие, имевшие свои жилища, могли сдавать часть жилой площади в аренду рабочим, не имевшим жилья, взимая плату, достигавшую в начале XX в. в Алтайском округе 1–1,6 руб. в месяц [2]. Некоторые занимались надомным трудом, не исключались и случайные заработки. Однако продолжительный рабочий день (в конце XIX в. 12–13 часов, без учета перерывов на принятие пищи и отдых, а со 2 июня 1897 г., после принятия закона об ограничении времени работы до 10–11 часов) ограничивал возможности рабочего заниматься какой-либо иной деятельностью. Поэтому рабочие зачастую могли себе позволить в качестве источника дополнительного дохода только сверхурочную работу. В обязанности фабричной инспекции, конечно, входил и контроль над незаконными сверхурочными работами, однако его отсутствие в Сибири позволяло свободно нарушать законы, ограничившие рабочее время.

Кроме того, по возможности рабочие старались «подработать» на заводском оборудовании, там где они трудились. Об этом, например, свидетельствует цитата из жалобы мастеровых от 1893 г.: «...фабричные рабочие кроме окладного жалования, имели возможность в свободное от занятий на казённых работах время зарабатывать кое-что для своего существования, занимаясь обработкой вещей по вольным заказам» [12].

Ситуация с дополнительными доходами была аналогичной и у рабочих Европейской России, и у рабочих зарубежной Европы. Если говорить о последних, то отметим, что и здесь рабочие не были заняты на производстве постоянно. Прервать работу могли болезнь, несчастный случай или увольнение. Поэтому доход семьи городского фабричного рабочего состоял из разных частей. Наряду с регулярной оплатой труда на производстве он также формировался за счет случайных заработков членов семьи, надомного труда, сдачи внаем жилья и т.п. [13. С. 180].

Можно констатировать, что доходы рабочих часто носили составной характер. Основная доля их состояла из заработной платы (у многих она уже была единственным источником), но не малая часть приходилась и на сельское хозяйство, промыслы, надомную работу, аренду жилых помещений, использование для подработки заводских ресурсов и т. п. Значительная зависимость от хозяйства наблюдалась у рабочих, живших в сельской местности, а также и некоторых категорий городских рабочих. Однако квалифицированные рабочие уже не имели домашнего хозяйства. Сравнительный анализ позволяет утверждать, что зависимость сибирских рабочих от сельского хозяйства была на одном уровне с общероссийским показателем, что является еще одним аргументом, доказывающим наличие в Западной Сибири развитого промышленного пролетариата, впрочем, с незначительной долей удельного веса среди населения. Отметим и то, что составной доход имели и многие промышленные рабочие зарубежной Европы рассматриваемого периода истории. Эти сравнения дают основания для вывода, что составной характер доходов сибирских рабочих вовсе не свидетельствовал об их классовой отсталости, а отражал суровую необходимость борьбы за выживание в условиях капитализма начала XX в.

Литература

1. *Зиновьев В.П.* Особенности перехода Сибири от аграрного общества к индустриальному // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв.: сб. материалов Всерос. конф. – Новосибирск, 2003. – С. 19–27.
2. *Дела о назначении пенсий и пособий рабочим Гурьевского и Сузунского заводов, Риддерских и Сокольных рудников, Салаирских приисков и Кольчугинской копи (1909–1913 гг.)* // Государственный архив Алтайского края. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 991, 1001, 1002, 1016, 1046, 1048, 1050–1052, 1056–1061, 1063, 1065, 1067, 1069–1081, 1087, 1088, 1090, 1091, 1094, 1100–1102, 1104, 1105, 1107, 1108, 1118, 1123.
3. *Скубневский В.А.* Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири (90-е годы XIX в. – февраль 1917 г.): дис. ... д-ра ист. наук. – Барнаул, 1991. – Т. 1. (На правах рукописи).
4. *Скубневский В.А.* Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1991. – 272 с.
5. *Анкеты* принятия на казённый винный склад в г. Томске от 16 июня 1901 г. // Государственный архив Томской области. – Ф. 209. – Оп. 1. – Д. 136.
6. *Подворные* карточки всесоюзной переписи. Кузнецкий уезд, Кузнецкая волость, селение Завод Площадка. 1920 г. // Государственный архив Новосибирской области. – Ф. 1328. – Оп. 1. – Д. 135.
7. *Опросные* листы об оказании материальной помощи рабочим Новониколаевска. 1923 г. // Государственный архив Новосибирской области. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 555.
8. *Списки* рабочих и служащих Пимокатной мастерской 1-го Барнаульского кредитного товарищества, Водного транспорта, деревообделочников, типографии ОМХ Алтайгубисполкома, завода «Серп и молот», дрожжевинокуренного и пивоваренного заводов и кузнечно-экипажной мастерской на получение сенокосных участков. 1924 г. // Государственный архив Алтайского края. – Ф. Р-14. – Оп. 1. – Д. 206.
9. *Анкеты* по чистке безработных за 1929 г. (Т. 1–4) в г. Тобольске // Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске. – Ф. 311. – Оп. 1. – Д. 104а, 106а – 108а.
10. *Иванова Н.А.* Структура рабочего класса России 1910–1914. – М.: Наука, 1987. – 282 с.
11. *Скубневский В.А.* Источники формирования рабочих обрабатывающей промышленности Сибири конца XIX – начала XX в. // Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма: материалы к «Истории рабочего класса Сибири». – Новосибирск, 1980. – С. 57–85.
12. *Жалоба* мастеровых. 1893 г. // Государственный архив Алтайского края. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 132.
13. *Зидер Р.* Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII–XX вв.). – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. – 300 с.

Статья поступила 25 октября 2013 г.

Faronov Vyacheslav N., Altai State University (Barnaul, Russia)

WORKERS' INCOME IN WESTERN SIBERIA IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY

Key words: work, family, Siberia, XIX century, crafts.

In emerging capitalism of the early XX century income of Siberian workers was often composite. The main part of it consisted of wages (for many of them it already was the only source), but the other, quite a significant part was accounted for by agriculture, crafts, home-based work, rental of residential premises etc. Significant dependence on farmsteads was observed in workers living in rural areas, as well as some categories of urban workers. However, qualified workers did not even have a private farmstead. The study of several groups of workers in Western Siberia in the early XX century showed that workers living in rural areas had the greatest reliance on land: the village Zavod Ploshchadka of the Kuznetsk district. Here, the percentage of those having farmsteads was the highest. Similar results were produced for workers of the Cabinet enterprises of the Altai territory, which is not surprising, since they lived in rural areas. However, workers of enterprises in the city of Barnaul, as seen from the «Lists», also had considerable property coming close for this indicator to workers living in rural areas. The indicators among workers of Novonikolaevsk in 1923 are completely opposite – here, the percentage of owners of all kinds of property is quite small. The indicator is even smaller among skilled workers of Tomsk in 1901, where only one candidate for the position owned a private house. Insignifi-

cant is this percentage and among workers of Tobolsk as well (1929). In the last three cases one can hardly speak of any substantial reliance on land. In other cases it is relatively large. It is also true for other categories of industrial workers of Siberia. The comparative analysis shows that the dependence of Siberian workers on agriculture was close to the all-Russian indicator which is other evidence that proves the presence in Western Siberia of developed industrial proletariat constituting a small percentage of the population though.

References

1. *Zinov'ev V.P.* Osobennosti perekhoda Sibiri ot agrarnogo obshchestva k industrial'nomu // Sibirskoe obshchestvo v kontekste modernizatsii XVIII–XX vv.: sb. materialov Vseros. konf. – Novosibirsk, 2003. – S. 19–27.
2. *Dela* o naznachanii pensii i posobii rabochim Gur'evskogo i Suzunskogo zavodov, Ridderskikh i Sokol'nykh rudnikov, Salairskikh priiskov i Kol'chuginskoi kopi (1909–1913 gg.) // Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia. – F. 4. – Op. 1. – D. 991, 1001, 1002, 1016, 1046, 1048, 1050–1052, 1056–1061, 1063, 1065, 1067, 1069–1081, 1087, 1088, 1090, 1091, 1094, 1100–1102, 1104, 1105, 1107, 1108, 1118, 1123.
3. *Skubnevskii V.A.* Rabochie obrabatyvaiushchei promyshlennosti Sibiri (90-e gody XIX v. – fevral'1917 g.): dis. ... d-ra ist. nauk. – Barnaul, 1991. – T. 1. (Na pravakh rukopisi).
4. *Skubnevskii V.A.* Rabochie obrabatyvaiushchei promyshlennosti Sibiri. – Tomsk: Izd-vo Tom. gos. un-ta, 1991. – 272 s.
5. *Ankety* priniatiia na kazennyi vinnyi sklad v g. Tomske ot 16 iunია 1901 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti. – F. 209. – Op. 1. – D. 136.
6. *Podvornnye* kartochki vsesoiuznoi perepisi. Kuznetskii uезд, Kuznetskaia volost', selenie Zavod Ploshchadka. 1920 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti. – F. 1328. – Op. 1. – D. 135.
7. *Oprosnye* listy ob okazanii material'noi pomoshchi rabochim Novonikolaevska. 1923 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti. – F. 10. – Op. 1. – D. 555.
8. *Spiski* rabochikh i sluzhashchikh Pimokatnoi masterskoi 1-go Barnaul'skogo kreditnogo tovarishchestva, Vodnogo transporta, derevoobdelochnikov, tipografii OMKh Altaigubispolkoma, zavoda «Serp i molot», drozhevinokurenogo i pivovarenogo zavodov i kuznechno-ekipazhnoi masterskoi na poluchenie senokosnykh uchastkov. 1924 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia. – F. R. 14. – Op. 1. – D. 206.
9. *Ankety* po chistke bezrabortnykh za 1929 g. (T. I–IV) v g. Tobol'ske // Gosudarstvennoe uchrezhdenie Tiimenskoi oblasti Gosudarstvennyi arkhiv v g. Tobol'ske. – F. 311. – Op. 1. – D. 104a, 106a – 108a.
10. *Ivanova N.A.* Struktura rabocheho klassa Rossii 1910–1914. – M.: Nauka, 1987. – 282 s.
11. *Skubnevskii V.A.* Istochniki formirovaniia rabochikh obrabatyvaiushchei promyshlennosti Sibiri kontsa XIX – nachala XX v. // Promyshlennost' i rabochie Sibiri v period kapitalizma: materialy k «Istorii rabocheho klassa Sibiri». – Novosibirsk, 1980. – S. 57–85.
12. *Zhaloba* masterovykh. 1893 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia. – F. 3. – Op. 1. – D. 132.
13. *Zider R.* Sotsial'naia istoriia sem'i v Zapadnoi i Tsentral'noi Evrope (konets XVIII–XX vv.). – M.: Gumanit. Izd. tsentr VLADOS, 1997. – 300 s.